

ГЛАВА 1

Автокатастрофа и ее влияние на мою жизнь

Придя в себя, я услышал крик Кевина: «Брендон, выбирайся из машины, вылезай немедленно!»

Сидя на переднем пассажирском сиденье, я огляделся по сторонам. Кевин был зажат между рулем и водительским креслом и кричал, отчаянно пытаясь выбраться наружу через разбитое стекло. Его лицо заливала кровь.

Мы вошли в крутой поворот на скорости 137 километров в час. В США это место было бы заранее обозначено ярко-желтой светоотражающей стрелкой-предупреждением: впереди опасный изгиб дороги, лучше сбавить скорость. Но мы находились в Доминикане, на совершенно новом шоссе. Ни одного дорожного знака. Этот поворот решительно задал новое направление нашей жизни.

Тогда поездка казалась мне благословением свыше. Уже несколько месяцев я пребывал в депрессии и эмоциональной коме из-за того, что расстался с девушкой, первой настоящей любовью в моей жизни. Мне стукнуло всего девятнадцать, а жизнь казалась оконченной; я чувствовал себя полностью опустошенным. Мы учились в старших классах школы, были влюблены друг в друга и мечтали в один прекрасный день пожениться. Но, поступив в колледж, она открыла для себя других парней и пиво. Я недооценил серьезности ее нового увлечения, и она стала мне изменять. Это было отвратительно.

Разочарование оказалось таким сильным, что я не раздумывал ни минуты, когда подвернулась возможность провести

летние каникулы на другом конце света, в Доминиканской Республике. Просто уехать из города, чтобы спрятаться от горя и депрессии, мне было мало — я стремился покинуть страну.

Так я очутился в Доминикане. С моим давним другом Кевином мы помогали знакомому бизнесмену, продававшему оборудование для грузовиков. Однажды нам пришлось возвращаться от клиента около полуночи. Стояла жаркая, душная карибская ночь. Окна машины были открыты, по радио звучала песня Life is a Highway Тома Кокрейна. Мы мчались по дороге, оставляя позади темную стену джунглей, влажный воздух бил в лицо, и я чувствовал, как депрессия отступает. Тяжесть одиночества и грусти улетучивалась со скоростью звука. Я закрыл глаза и самозабвенно горланил звучащую по радио песню.

А потом Кевин закричал: «Господи! Брендон, держись!»

Я открыл глаза и увидел, как свет фар теряет дорогу и растворяется в темноте.

Кевин вцепился в руль и крутанул его вправо, отчаянно пытаясь вписаться в поворот. Слишком поздно. Машину занесло, и мы вылетели с шоссе. В голове мелькнуло: «О Боже, я не готов». Мне уже не казалось, что я многое в жизни повидал. И это ощущение, как ни странно, было очень четким и длительным. Мы летели, и чувство опасности замедляло восприятие времени. Нас несло в пасть смерти, а у меня в голове крутился один, самый важный вопрос: «Жил ли я полноценно?»

Вylетев с дороги, машина чиркнула колесами по невысокой насыпи. Мы взмыли в воздух, и я почувствовал, как ремень безопасности крепко прижимает меня к креслу. Потом появилось странное ощущение невесомости и полет — полет...

Я закрыл глаза, и передо мной предстала совершенно ясная картина. Причем неожиданная. Я мог бы предположить, что, как показывают в кино, передо мной стремительно пронесутся все события моей жизни, и я увижу себя в детстве. Однако себя я не видел. Маленького Брендона там не было.

Но зато я увидел *их*. Моя семья и друзья — вот кто стоял передо мной. Вот они собрались в нашей гостиной и поют вокруг праздничного торта на мой двенадцатый день рождения. Я вижу слезы счастья на маминых глазах, она с удовольствием поет глупую песенку, которой сопровождаются все дни рождения в нашем доме.

Затем другая сцена. Моя сестра качается на качелях на детской площадке. Наши взгляды встречаются, и сестра улыбается мне своей чудесной широкой улыбкой.

Все новые и новые эпизоды. Моя, в общем-то, короткая жизнь пробегает перед глазами. В каждой сцене — те, кого люблю. Я не вижу в этих эпизодах себя, но от этого они не кажутся менее реальными, при этом я чувствую, что лечу по воздуху, как в замедленной съемке. Думаю о тех, кто мне дорог и кому будет меня недоставать. Накатывает волна глубочайшего сожаления: *«Любил ли я открыто?»*

Автомобиль с сокрушительной силой врывается в землю, и я теряю сознание...

Я пришел в себя и услышал, как Кевин кричит, чтобы я вылезал из машины.

Я повернулся, чтобы посмотреть на него. Он был придавлен рулем и орал на меня, пытаюсь выбраться наружу через разбитое стекло.

Кевин повернулся, и я увидел огромную рану на его голове; все лицо было залито кровью. «Брендон, вылезай!» — он протискивался через покоренный проем окна, в голосе звучала паника.

Я не знал, есть ли у нас шансы, сколько времени осталось до взрыва. Но тон Кевина говорил о многом. В поисках выхода я посмотрел направо — рама пассажирского окна оказалась смятой. Машину буквально расплющило от удара. Единственным выходом была узкая щель прямо передо мной — все, что осталось от лобового стекла.

Я протиснулся в нее, расцарапывая руки, ноги, живот, и оказался на помятом белом капоте. Я видел, как из меня струится кровь, стекая вниз по ногам и обуви прямо на искореженный металл. Я был потрясен и плохо понимал, что все это происходит со мной. Жизнь покидала меня капля за каплей, очень медленно, и, когда я впервые понял, что она может закончиться, стало очень страшно. Я ощутил слабый, словно испуганный, прилив сил и попытался осознать случившееся. Это далось нелегко, и я зарыдал. «*Что я успел сделать?*»

В глазах потемнело, я чувствовал, что снова теряю сознание, и решил, что *это конец*.

Из состояния транса меня вывел яркий блеск на смятом капоте. Это в крови, разлитой по искореженной машине, сверкая, отражался свет. Подняв голову, я увидел потрясающую полную луну на темном небе. Просто невероятная картина — никогда раньше я не видел такой луны. Очень близкая, огромная, яркая, красивая. Я почувствовал, что ничто больше не связывает меня с руинами моей жизни, только с небесами и волнами синего света, струящимися по ночному небу. Не осталось ни боли, ощущений — ничего, кроме полной тишины. Этот момент я запомнил на всю жизнь. А затем меня охватило чувство сосредоточенности. Но оно не пришло извне — никогда раньше я не был до такой степени собой.

В тело вернулась уверенность, и меня накрыла волна огромной благодарности, чувство признательности за то, что я жив — до сих пор не могу подобрать слов, чтобы описать всю гамму испытанных тогда чувств. Казалось, Господь снизошел ко мне, утешил и вручил золотой билет еще на одну жизнь. «Бери, дитя мое! Ты снова живешь, можешь любить и делать важные вещи. Иди и действуй, потому что теперь ты знаешь — время уходит».

Помню, в ту ночь поднял голову к небу, с благодарностью принимая этот дар: «*Спасибо. Спасибо. Я буду достоин его*».

В моей жизни появилось ни с чем не сравнимое чувство признательности, которое не покидает меня до сих пор. В глазах стояли слезы радости. И впервые за многие месяцы запела моя душа.

Эту историю я всякий раз рассказываю в мельчайших подробностях, будто проживая ее снова, своим слушателям в разных уголках мира.

После возвращения из Доминиканы мы с Кевином редко вспоминали об аварии — мы оба выжили, получив порезы, ушибы и переломы, но остались живы, слава Богу! Я осознал важную вещь: мы игнорируем свой жизненный опыт, редко пытаемся найти смысл в том, что с нами произошло, и не делимся с другими своими уроками.

Если честно, вернувшись в Соединенные Штаты, в колледж в Монтане, я рассказал об аварии только близким друзьям. Я продолжал жить и делать то, что следует: окончил колледж, научился писать резюме, решил, чем хочу заниматься, и получил хорошую работу в стабильной компании.

Но спрятанное очень глубоко среди всего «что следует» оставалось желание рассказать о том, что со мной случилось. Прошлое не отпускало меня, и мне хотелось поделиться своим «золотым билетом в жизнь». Я хотел внушить людям, что в конце земного пути им придется задать себе три вопроса. Три вопроса, которые навсегда изменили меня, направив на путь любви и истины.

Когда вы приблизитесь к финалу, вам обязательно захочется узнать, *жили ли вы* полноценной жизнью — причем именно *своей* жизнью, а не надеждами и ожиданиями родителей, учителей, друзей или супругов. Вы будете оценивать, была ли она достаточно насыщенной и яркой, радостной и настоящей, достаточно ли вы рисковали, жертвовали, мечтали и боролись, чтобы в полной мере реализовать свой потенциал. Вам до боли захочется узнать: «А *жил ли я?*»

Без сомнения, вы захотите понять, достаточно ли внимания и поддержки оказывали тем, кто вас окружает. Вам до боли захочется узнать, кому будет не хватать вас и без кого будет тяжело вам. Перед вашим внутренним взором развернется грандиозная кинолента, и вы увидите эпизоды, которые связаны с любовью и дружбой в вашей жизни, — со мной было именно так. Вы спросите себя, достаточно ли открыто выражали свои чувства, и душу будет мучить вопрос: *«Любил ли я?»*

И наконец, в последние мгновения, когда свет еще теплится в вас, глубоко внутри и ярче других мыслей станет одна — а был ли во всем этом смысл? Вы будете спрашивать себя, с пользой ли прожили жизнь? Вам захочется верить в то, что вы оставили после себя что-то хорошее, прежде чем навсегда уйти. Ваша душа будет вопрошать громко и требовательно: *«Что я сделал?»*

Если все это правда и в конце жизни нам действительно придется отвечать на эти вопросы, то я должен спросить как можно больше людей: *«Почему бы не жить так, чтобы в самом конце пути нам не было стыдно перед собой?»*

Давайте попробуем проживать каждое мгновение так, чтобы ежесекундно чувствовать благодарность за дар жизни. Давайте постараемся жить от всего сердца и любить так сильно и много, чтобы кинолента, которую мы увидим в конце, оказалась беспрерывной историей любви. Давайте заботиться о других, делая их жизнь лучше, чтобы это стало частью бытия, тогда вы будете точно знать, что жили не зря.

Я задал эти вопросы своим друзьям и с недоумением увидел, что многие проявили лишь небольшой интерес — не более того. Несколько человек согласились с тем, что это очень серьезная тема, и попросили подробнее рассказать о случившемся.

Но я боялся, хотя глубине души я был готов кричать об этом на весь свет. Я очень хотел, чтобы люди задумались о том, что я считаю важным. Я мечтал изменить жизни людей, но не знал, как осуществить свою мечту.

Между тем мне хватало забот по подготовке к «настоящей работе» в «реальном мире». Да разве кто-нибудь воспримет всерьез беседы о смысле жизни с молодым парнем в рокерском прикиде? Разве меня будут слушать, даже если я найду способ донести свою мысль? Нет, это безумная затея.

К счастью, мне встретился один человек, мой учитель, который был одержим любовью к жизни не меньше меня. В раннее и очень счастливое время моей жизни я получил некоторое представление о наставничестве. Если бы не это, моя идея так и осталась бы мечтой...